

№ 9 (227)
сентябрь

2015

Не в силе Бог, а в правде.

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКИЙ ВЪСТНИКЪ

Газета Александрo-Невского собора города Барнаула. Печатается по благословению
Высокопреосвященного Сергия, митрополита Барнаульского и Алтайского

*Вечная
память...*

ЦЕРКОВНЫЕ НОВОСТИ

15 ОКТЯБРЯ ВЛАДЫКА СЕРГИЙ
В СОСЛУЖЕНИИ СОНМА ДУХОВЕНСТВА
СОВЕРШИЛ ОТПЕВАНИЕ
ПРОТОИЕРЕЯ АЛЕКСАНДРА ВОЙТОВИЧА

Божественная литургия архиерейским чином была совершена 15 октября в Богоявленском храме Барнаула, расположенном на территории храмового комплекса Александро-Невского собора. Богослужение возглавил митрополит Барнаульский и Алтайский Сергей в сослужении епископа Рубцовского и Алейского Романа и духовенства Алтайской, Кузбасской, Санкт-Петербургской и других митрополий и епархий Русской Православной Церкви.

По завершении Литургии владыка Сергей в сослужении сонма духовенства совершил чин отпевания.

Проститься с потомственным священником, окормлявшим алтайскую паству почти 30 лет, бывшим настоятелем храмового комплекса во имя святого благоверного князя Александра Невского, пришли сотни людей, среди которых — представители городских и краевых властей, депутаты Алтайского краевого Законодательного Собрания и Барнаульской городской Думы, представители общественных организаций.

Похоронили новопреставленного протоиерея Александра Войтовича на городском Власихинском кладбище, где покоятся его родители — митрофорный протоиерей Николай Войтович с матушкой Ариадной.

ГЛАВА АЛТАЙСКОЙ МИТРОПОЛИИ ВОЗГЛАВИЛ ЛИТУРГИЮ В АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОМ ХРАМЕ

Божественную литургию в храме Александра Невского г. Барнаула совершил 17 октября глава Алтайской митрополии, митрополит Барнаульский и Алтайский Сергей.

Владыке сослужили секретарь епархии иерей Андрей Басов, протоиерей Сергей Фисун, протоиерей Александр Польшвинный, иерей Иоанн Меркулов, иерей Николай Носков, протодиакон Владимир Черных, диакон Максим Науменко.

После сугубой ектении митрополит Сергей вознес молитву о мире и преодолении междоусобной брани на Украине, помолился о новопреставленных настоятеле Александро-Невского храма митрофорном протоиерее Александре Войтовиче и протоиерее Борисе Дмитруке.

По завершении литургии митрополит Сергей рассказал об отце Александре:

Ушедший от нас отец Александр был человеком особого душевного мирного склада, обладал такими качествами, как тихость, кротость, любовь ко всем. Такимым, говорил Спаситель, есть Царствие Небесное. «Обладающие духом кротости способны других вразумлять и исправлять, особенно гордых, наглых и самоуверенных людей, считающих себя мудрее других». Дух прелести очень заразителен,

СО СВЯТЫМИ УПОКОЙ

13 ОКТЯБРЯ НА 57 ГОДУ ЖИЗНИ ПОСЛЕ
ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОЙ БОЛЕЗНИ ОТОШЕЛ КО
ГОСПОДУ НАСТОЯТЕЛЬ НАШЕГО АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОГО ХРАМА МИТРОФОРНЫЙ
ПРОТОИЕРЕИ АЛЕКСАНДР ВОЙТОВИЧ.

Отца Александра знали и любили не только прихожане нашего храма, но и многие жители края. Всю жизнь он посвятил служению Святой Церкви, почти 30 лет был в священном сане. Он был одним из старейших служителей Алтайской митрополии и вместе со своим отцом, митрофорным протоиереем Николаем Войтовичем, стоял у истоков возрождения

Православия на Алтае. О.Александр долгое время был благочинным Барнаульского и Северного округов, возглавлял Ставленническую комиссию, основной задачей которой было готовить кандидатов к принятию священного сана, являлся преподавателем и классным наставником Барнаульской духовной семинарии, для студентов которой он был не только педагогом, но и мудрым наставником, возглавлял Архитектурно-строительно-реставрационную комиссию при Епархиальном управлении.

О.Александр родился 21 марта 1959 года в Барнауле, в семье потомственного священнослужителя — протоиерея Николая Войтовича. Оба дедушки и по отцовской и по материнской линии были священнослужителями, а дедушка по отцу о.Павел Войтович в последние годы жизни принял монашеский постриг. С детства о.Александр любил и хорошо знал церковную службу. В 1976 г., по окончании средней школы он поступил в Алтайский политехнический институт на строительный факультет. В 1981 г., после окончания института, был направлен на работу в трест «Алтайтрансстрой». На протяжении учебы и работы посещал Покровский собор Барнаула, где 14 января 1985г., в праздник Обрезания Господня, имея твердое желание посвятить себя служению Церкви Христовой, был рукоположен в сан диакона. По благословению архиепископа Новосибирского и Барнаульского Гедеоны нес диаконское послушание в Покровском соборе Барнаула, в этом же году поступил на заочный сектор Московской духовной семинарии.

1 июня 1986 г. за Божественной литургией в Никольской церкви г. Кемерово был рукоположен в сан иерея, нес послушание настоятеля Свято-Духовской церкви в р.п. Тальменка Алтайского края, где его стараниями был построен замечательный храм, штатного священника Покровского собора.

С 1990 года батюшка был назначен настоятелем новообразованной православной общины в честь святого благо-

верного князя Александра Невского. С этого времени о. Александр — бессменный настоятель нашего храма.

За усердное служение Церкви Божией, указом Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Пименом, к юбилею 1000-летия Крещения Руси священник Александр Войтович в 1988 г. был награжден наперсным крестом. С 1990 г. назначен настоятелем новообразованной православной общины в честь святого благоверного князя Александра Невского. Спустя два года возведен Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II в сан протоиерея.

В 1998 году был удостоен права ношения креста с украшениями, к празднику Святой Пасхи 2014 г. награжден митрой.

За усердное служение Русской Православной Церкви отец Александр Войтович был удостоен высоких церковных и государственных наград: ордена преподобного Сергия Радонежского III степени (2000), ордена святого благоверного князя Даниила Московского III степени (2004), Патриаршего знака «700-летие Преподобного Сергия Радонежского» (2014), медали Барнаульской епархии святителя Макария Алтайского III и II степеней, Почетной грамоты Администрации Алтайского края «За многолетний добросовестный труд и большой личный вклад в социально-экономическое развитие города Барнаула» (2013), Почетного знака «С благодарностью, Барнаул», Памятного знака «За заслуги в развитии города Барнаула» (2014), медали Губернатора Кемеровской области «За веру и добро» (2005), наградного креста «За заслуги перед казачеством» II степени и др.

Барнаульцы любили доброго и мудрого батюшку. Его знали и далеко за пределами нашего края. Добрым словом он мог утешить и поддержать, всегда был готов любому человеку прийти на помощь. Сегодня почивший протоиерей Александр просит наших с вами молитв, таких же теплых и усердных, какими были его молитвы.

Да упокоит Всемогущий Господь душу новопреставленного раба Своего протоиерея Александра в селениях праведных!

особенно в наш век гордыни и безбожия. Кроткие наследуют землю. У нас есть пример для подражания — Христос.

Хочется, чтобы здесь, на приходе был мир, не было никаких недопониманий, подозрений, а были откровенность, кротость и чистота. Приход — это община верующих, в наше время она может быть настолько велика, что люди даже не осознают себя прихожанами, просто заходят помолиться, но всегда при храме существует костяк, на который Господь возлагает и священноначалие поручает ведение приходских дел. От добросовестности этих людей, качеств их души зависит устройство прихода и духовная атмосфера в нем.

Люди восчувствовавшие ответственность за Церковь, за спасение себя и ближних объединяются вместе, они и создают общину, в которой, как и во всякой человеческой общности, бывают недоразумения, кто-то друг другу завидует, начинает раздражать. Господь наделил нас единым духом. Единство духа должно быть у нас обязательно в союзе мира.

Да хранит вас всех Господь и Матерь Божия!

Затем была совершена лития по почившим священнослужителям, по завершении которой состоялось приходское собрание. На собрании митрополит Сергей рассказал о назначении временно исполняющим обязанности настоятеля Александро-Невского храма, им стал иерей Иоанн Меркулов. Через 40 дней будет назначен постоянный настоятель. Далее Глава митрополии, духовенство и прихожане обсудили строительство Александро-Невского собора и другие вопросы жизни прихода.

www.altai-eparhia.ru

О СОЮЗѢ ТРЕХ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ: ВѢРѢ, НАДЕЖДѢ И ЛЮБВИ

Ныне же пребывают три сия, все связующие и содержащие: веры, надежда и любви, больше же всех любви, ибо ею именуется Бог (1 Кор. 13, 13).

По моему разумению, вера подобна лучу, надежда — свету, а любовь — кругу солнца. Все же они составляют одно сияние и одну светлость.

Первая все может творить и созидать; вторую

милость Божия ограждает и делает непостыдною; а третья никогда не падает, не перестает от течения, и не дает опочить уязвленному ее блаженным упоением.

Кто хочет говорить о любви Божией, тот покушается говорить о Самом Боге.

Слово о любви известно Ангелам; но и тем по мере их просвещения.

Любовь по качеству своему есть уподобление Богу, сколько того люди могут достигнуть; по действию своему, она есть упоение души; а по свойству источник веры, бездна долготерпения, море смирения.

Любовь собственно есть отложение всякого противного помышления; ибо любви не мыслит зла (1 Кор. 13, 5).

По мере оскудения любви бывает в нас страх; ибо в ком нет страха, тот или исполнен любви, или умер душою.

Мать не так бывает привязана к младенцу, которого кормит грудью, как сын любви всегда прилепляется к Господу.

Действие голода бывает как-то неопределенно и неясно, а действие жажды ясно и ощутительно; ее узнают по внутреннему жару. Посему любящий Бога и говорит: возжада душа моя к Богу крепкому, живому (Пс. 41, 3).

Если присутствие любимого человека явственно всех нас изменяет, и делает веселыми, радостными и беспечальными: то какого изменения не сделает присутствие Небесного Владыки, невидимо в чистую душу приходящего.

Страх Божий, когда он бывает в чувстве души, обыкновенно очищает и истребляет нечистоту ее. Пригвозди, говорит Пророк, страху Твоему плоти моя (Пс. 118, 120).

Умножение страха Божия есть начало любви; а совершенство чистоты есть начало Богословия.

Любящий Господа прежде возлюбил своего брата; ибо второе служит доказательством первого.

Любящий ближнего никогда не может терпеть клеветников, но убегает от них, как от огня.

Сила любви в надежде; ибо надеждою ожидаем воздаяния любви.

Надежда есть упокоение в трудах. Она — дверь любви; она убивает отчаяние, она — залог будущих благ.

Оскудение надежды есть истребление любви; с надеждою связаны наши труды; на ней зиждутся подвиги; ее милость Божия окружает.

Надежду разрушает гневливость; ибо упование не посрамит, муж же ярый неблагообразен (Притч. 11, 25).

Любовь есть подательница пророчества; любовь — виновница чудотворений; любовь — бездна осияния; любовь — источник огня в сердце. Любовь утверждение Ангелов, вечное преуслаение.

Лествица или скрижали духовные

Слово 30

ЦЕРКОВНАЯ АЗБУКА

ПРОТОИЕРЕЙ АЛЕКСИЙ УМИНСКИЙ

Божественная Евхаристия

Начало №7, 2015 г. Продолжение №8, 2015 г.

Всякий приходящий в Церковь, непременно приносит что-то необходимое для жизни прихода — свои руки, свое сердце, свой ум, свои средства. Именно благодаря таким приношениям в апостольской общине помогали вдовицам и сиротам, и всем всего хватало. Дьяконы принимали приносившиеся в Церковь, и распределяли дары. Так сложилась часть Литургии, называемая приношением, Проскомидией, когда дьякон выбирает для служения, для приношения Богу, лучший хлеб и лучшее вино.

В древних литургических памятниках записано, что нищие и сироты приносили воду для Литургии, чтобы омыть руки и ноги страннику, чтобы эта вода служила для омовения на Литургии. Никто не должен был приходить лишь для того, чтобы брать. Все приходило отдавать. Принеси хотя бы воду, но не приходи пустым...

У Бога ничего нельзя купить. Бог все может только раздавать. А раздавать Он может лишь тогда, когда у человека свободны руки, чтобы принять дары. Когда в руках — сумки, к Богу их не протянуть...

И здесь очень важно понять самое главное в нашем жертвоприношении. Раньше люди приносили то, что имели, а сейчас это приняло характер платы, что замутняет наши отношения с Церковью, которая, к сожалению, в сознании многих людей превратилась в некий магазин: пришел, заплатил денежку, купил просфорочку, подал записочку... В сознании людей внецерковных или только что пришедших в Церковь понятие жертвоприношения исчезает, потому что в жертве непременно присутствует подвиг: принося жертву, человек обязательно что-то отрывает от сердца. Мы должны приходить в Церковь со свободным желанием послужить. Мы не можем просто подать записочку, пусть, мол, батюшка помолится. Это должна быть и наша молитва, и наша жертва.

А жертва Богу — дух сокрушенный, больше ничего и не надо. Не нуждается Церковь в какой-то материализации

нашей жертвы и Богу кроме нашего сердца ничего не надо. Не превращайте Церковь в магазин! Не приходите для того, чтобы что-то заказать, купить и унести домой. Проскомидия — первый шаг Литургии — приношение в жертву самих себя.

ПРОСКОМИДИЯ

После возгласа: «Благословен Бог наш...», когда в храме читаются Часы, священник готовит все необходимое для Божественной Литургии. Поэтому записки лучше подавать до начала Литургии, во время чтения Часов. Конечно, священник будет вынимать частицы вплоть до Херувимской, но само действие совершается именно во время чтения Часов.

Батюшка кланяется и целует священные сосуды, читая тропарь Великой Пятницы: «Искупил нас еси от клятвы законных...» Таким образом, начало Проскомидии является вхождением в искупительную жертву Христову, в страдания Господа нашего Иисуса Христа.

Священник приступает к принесению жертвы, ибо главное в Евхаристии — это жертвоприношение. Вспомним самое

драматическое жертвоприношение Ветхого Завета — Авраам в земле Мория приносит в жертву единственного сына, дитя обетования. На Исааке замыкались все ветхозаветные пророчества, от него должен был произойти новый народ, народ избранный, народ Божий. И жертвоприношение Авраама совершилось, но оно состоялось не в том, что он убил своего сына для Бога, а в том, что он его не пощадил. Это прообраз евхаристического жертвоприношения. Об этой великой жертве мы слышим в евангельском чтении: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную. Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него» (Ин. 3: 16-17).

Искупительная жертва Иисуса Христа и Евхаристия, которая совершается в храме, теснейшим образом связаны между собой. Это — одна и та же жертва. Мы привыкли воспринимать Евхаристию и Причастие именно как воспоминание о Тайной Вечере, которая не связана с ее продолжением, но Тайная Вечера — это начало Голгофского жертвоприношения,

начало пути в Гетсиманию, а затем — и на Голгофу. Они не могут быть отделены друг от друга. Тайная Вечера с преломлением хлебов — это наша Литургия, которую мы не созерцаем, как театральное представление, а проживаем. Это — вхождение в вечность, в абсолютную реальность, и мы являемся и участниками, и свидетелями этого величайшего события.

Но Проскомидия — это воспоминание не только искупительной жертвы Спасителя, но и Его воплощения и рождества, потому что Он воплотился и родился не для того, чтобы жить, а для того, чтобы умереть за наши грехи. И поэтому все слова и действия Проскомидии имеют двойкий смысл, изображая с одной стороны Рождество Христово, а с другой стороны — Его страдания и смерть.

На Дискосе изображена икона Рождества Христова. Этот праздник обычно представляется нам веселым, радостным, почти детским, но на самом деле он по сути своей глубоко трагичен. Все то, что мы встречаем в Рождестве, мы встретим и во время Страстной седмицы. Вифлеемская пещера и гроб Господень — это, в общем-то, одно и то же. Пелены, которыми Младенец повивается в яслях Марией — это та плащаница, которой Он будет повит Иосифом и Никодимом, и миро, которое приносят Ему волхвы, будет использовано для помазания Его после снятия с Креста. Таким образом, Дискос изображает одновременно и Вифлеемскую пещеру, и гроб Господень.

Когда совершается Проскомидия, мы осознаем Рождество и Воплощение Христа в неразрывной связи с Его крестной смертью, поэтому на Проскомидии вместе с воплощением происходит как бы и распятие Христово. Проскомидия — это жертвоприношение и мы — его участники. А батюшка (страшно даже говорить об этом!) является тем, кто приносит жертву.

Священник берет главную агничную просфору, копием вырезает из нее квадратную часть печати, которая и называется Агнцем, и ставляет ее на Дискос. Агнец свидетельствует о воплощении Господа нашего Иисуса Христа, о том, что Сын Божий стал Сыном человеческим.

Агнец значит — ягненок. В богослужении этим словом обозначается жертва. В течение всей ветхозаветной истории ягненок всегда был самой главной и самой чистой жертвой, приносимой за людские грехи людей. Для еврейского народа принесение в жертву ягненка означало: человек согрешил, совершил зло в этом мире, а страдает за него невинный, совершенно непорочный ягненок, который является символом чистоты и кротости, беззлобия и беззащитности.

Священное Писание под Агнцем подразумевает Спасителя. Когда Иоанн Креститель на Иордане видит воплотившегося Сына Божия, он показывает на Него и говорит: «Вот Агнец Божий, который берет [на Себя] грехи мира» (Ин. 1: 29). Поэтому эта просфора и называется Агнцем, предназначенным для жертвоприношения.

Затем священник, взяв в руку копие, надрезает один край просфоры со словами: «Яко овча на заколение... Яко агнец непорочный... тако не отверзает уст своих». Эти пророчества посвящены Христу, Его ведению на Голгофскую жертву. Иерей отрезает нижнюю часть просфоры: «Яко вземлетса от земли живот Его».

Священник крестообразно надрезает просфору со словами: «Жрется (то есть приносится в жертву) Агнец Божий, вземляй грех мира, за мирский живот (жизнь мира) и спасение».

Завершая эту часть священнодействия, иерей копием пронзает просфору с правой стороны, в том месте, где на печати написано имя «Иисус» со словами: «Един от воин ребра Его копием прободе», и выливает в Чашу вино, смешанное с водой: «И абие изыде кровь и вода, и видевый свидетельства, и истина есть свидетельство его».

Земное имя Спасителя — Иисус пронзается копием. На Кресте страдал человек, Бог не подвластен страданиям. Страдания на Кресте претерпел Богочеловек Иисус Христос своей человеческой природой. Именно поэтому Иисус, земное имя Креста, символизирующее Его человеческую природу, пронзается копием. После этого Агнец устанавливается в центр Дискоса.

* * *

После того, как Агнец приготовлен для дальнейшего священнодействия, священник вынимает частичку из второй просфоры, предназначенной для воспоминания о Божией Матери и со словами: «Предста Царица одесную Тебе» (пророчество Давида о Богородице) кладет на Дискос справа от Агнца.

Третья просфора, называемая «девятичинной», предназначена для воспоминания всех святых. Из нее последовательно вынимается девять частичек в память Иоанна Крестителя, пророков, святых апостолов, святителей, мучеников, преподобных, исцелителей и бессребреников, праведных Иоакима и Анны, а также в память святых, в честь которых освящен храм и память которых совершается в этот день. Послед-

няя частичка вынимается в память святого, написавшего Литургию, — Василия Великого или Иоанна Златоустого.

Поминование святых во время Проскомидии имеет очень большое значение — мы ко всем святым обращаемся, и все святые становятся рядом с нами.

Эта часть Проскомидии напоминает деисусный чин иконостаса. В центре его — Спаситель, с одной стороны — Матерь Божия, а с другой — все святые в своем общении со Христом и в молитве за Церковь. Они сопричислились к Небесному Воинству и составили Церковь Небесную. Святые молят Господа, как Судию Милосердного о помиловании всех предстоящих в храме.

Церковь земную нередко называют «воинствующей», поскольку она пребывает в состоянии постоянной духовной борьбы. Все мы — воины Христовы, которые пошли на эту битву за правду, за любовь, за то, чтобы отстоять в себе образ и подобие Божие. А Церковь Небесная, как мы видим на Проскомидии, — Церковь торжествующая, Церковь победившая — НИКА. Матерь Божия — справа, а все святые — с левой стороны, как могучее, несокрушимое воинство, пребывающее рядом со Христом.

Затем начинается молитва о Церкви земной. Священник берет четвертую просфору, заздравную, вынимает из нее частичку в память нашего Святейшего патриарха и патриархов, предстательствующих перед Богом в Церкви, как военачальники, которые первыми идут в бой и несут на себе тяжкий крест ответственности за Церковь. Потом он вынимает частички за епископов и всех православных христиан и молится за наше отечество.

После этого иерей берет просфору за упокоевание и, вынимая частичку, молится за тех, кто создал храм, обо всех прежде почивших православных патриархах и почивших прихожанах святого храма сего.

* * *

Наконец, священник читает записки, которые мы подаем за свечной ящик. Мы часто не понимаем, зачем эти записочки приносим, но поминовение на Проскомидии является одной из величайших молитв Церкви. На самом деле наши записки — это принесение всех ко Христу с молитвой о спасении, исцелении, обращении. Когда мы молимся, Церковь наполняется страждущими, как это было у купели Силоамской. Нет другой такой сильной молитвы у Церкви кроме молитвы Литургии, которая могла бы вот так объединить и реализовать все наши прошения.

В Проскомидии своим священнодействием — я хочу подчеркнуть: именно священнодействием — участвует каждый человек. Наше приношение состоит не в том, что мы подали записочки и заплатили деньги. Как клирик священнодействует во время Проскомидии, так и все прихожане в этот момент принимают участие в Проскомидийном священнодействии, вознося Богу свои молитвы.

За каждое имя из просфоры вынимают частичку, и вот уже рядом со Христом, с Ангелом Божиим, взявшим на Себя грехи мира, рядом с Матерью Божией, со всей Небесной Церковью, вырастает гора частичек. Вся Церковь поместилась на Дискосе, символизирующем собой вселенную, весь мир, Богом сотворенный, в котором центр — это Христос. Рядом — Церковь торжествующая — это Матерь Божия и святые, а рядом бесчисленной толпой частичек — живые и мертвые, хорошие и плохие, праведные и грешные, здоровые и больные, скорбящие и заблудшие, даже те, кто далеко ушел

от Христа, предал Его, забыл о Нем, но все, за которых молится Церковь, все, которые Богу не безразличны... На этом блюде гораздо больше грешников, чем святых, — ведь мы молимся, прежде всего, о тех, кто больше всего нуждается в спасении, которые часто, как блудные дети, пребывают на стороне далече, а мы их в Церковь приносим, как четверо принесли расслабленного, положив его к ногам Спасителя.

Теперь все они пребывают в едином пространстве вселенной, в одной Церкви, в которой Небесная составляющая неотделима от земной, поэтому и говорится, что она — Единая. Это Церковь, в которой святые молятся за грешных, и все они — рядом со Христом, все вместе будут омыты Его Кровью, оправданы Голгофской жертвой. Церковь — это удивительный и великий образ нашего соединения с Господом.

* * *

Проскомидия заканчивается ожиданием: Господь лежит во гробе. Священник кадит храм. Как волхвы принесли золото, ладан и смирну, так приносится кадило к этому приношению. Батюшка кадит звездицу и кладет ее на Дис-

кос, покрывая крестом — залогом нашего спасения. Затем он последовательно кадит три покровца и покрывает ими церковные сосуды, как покрыв пеленами Младенец Христос, как Спаситель покрыв плащаницей.

Проскомидия являет собой великое таинство седьмого дня, когда Господь почил от дел Своих, — ту субботу благословенную, после которой мы пребываем в предощущении Воскресения Христова, в предощущении нашего спасения и жизни будущего века.

По прошествии субботы мы встречаем воскресшего Христа. Это величайшее чудо отражено в праздновании Пасхи. Собственно, пасхальная служба — есть некое внешнее осуществление нашего литургического торжества. Переход от Проскомидии к Литургии. Это — прошествие субботы, седьмого дня — конец миробития, в котором мы сейчас пребываем.

Во время каждения алтаря священник читает пасхальный тропарь. Он очень важен для осознания пасхального смысла Литургии как таинства восьмого дня. Тропарь подчеркивает: Проскомидия и начало Литургии соответствуют концу нашей жизни на земле и вхождению в Царствие Небесное. Поэтому после того как священник покادил церковные сосуды, он подходит к Царским Вратам и открывает завесу в ознаменование пришествия Господня и нашего спасения.

Продолжение следует

Человек, входя в Церковь и подвизаясь в ней, хочет видеть какой-нибудь результат. И это непременно случится: в нем что-то изменится, будет некий плод всех его усилий и борьбы. Святые отцы говорят: всё, что мы делаем, живя церковной жизнью, мы делаем для стяжания Святого Духа. Цель жизни во Христе, учит преподобный Серафим Саровский, и есть это стяжание Святого Духа. Как видим, существует конкретная цель, ради которой мы ведем борьбу — ту малую борьбу каждого из нас.

Вспомним притчу Христа в Евангелии, где Он говорит о сеятеле и семени, падающем в сердце людей и дающем плод. Когда речь заходит о плодах, мы представляем себе дерево, приносящее плоды. У духовной жизни есть параллели. В Евангелии Христос сравнивает Себя, Бога, с Сеятелем. И говорит нам нечто важное: в конечном счете бремя плодоношения и ответственность за плоды несет не семя и не сеятель, а почва. Сеятель, говорит Христос, это Бог, а семя — слово Божие. И Бог Один и Тот же для всех, все так или иначе слышат Его слово. Каждый слышит слово, принимает его, и земля, почва — вот то, что несет бремя плодоношения и ответственно за плоды семени.

Поэтому Христос говорит, что когда земледелец вышел сеять, то какая-то часть семян упала на дорогу, но земля здесь утоптана и, естественно, не может принять семя, которому для роста нужно покрыться почвой. А поскольку семя остается лежать на дороге, то птицы могут склевать его; и действительно, птицы небесные прилетели и склевали его. Второй тип земли — это земля каменистая. Семя падает на нее, находит немного почвы, с легкостью дает росток,

но укореняется неглубоко, и, лишь только росток начинает тянуться вверх, солнце жжет его, и он засыхает, — это семя тоже не может дать плода.

Третий случай — земля, покрытая терниями. Это хорошая почва, но не вспаханная и зараженная терниями. Семя прорастает, но терния и плевелы глушат его, и оно не может дать плода.

Четвертый случай — хорошая, вспаханная земля, которая принимает слово и дает много плодов: 30, 60, 100...

Это все образы наших сердец.

Святой Дух Один и Тот же для всех. Бог хочет, чтобы все люди спаслись и приблизились к Нему. Он судит о людях невзирая на лица. Он любит всех одинаково, в Его любви нет никаких предпочтений, любит всех безмерно, совершенно. Он не любит одного меньше, другого больше, как иногда говорят о ком-нибудь: «Он любимец Бога!» Вот в Евангелии сказано, что Христос любил святого евангелиста Иоанна, — и это значит не то, что Христос делал разницу между людьми, а то, что сам

апостол и евангелист любил Христа больше, чем остальные.

В евангельской притче плод, который должно дать семя, — это плод Духа. Но прежде опишем каждый из четырех типов людей.

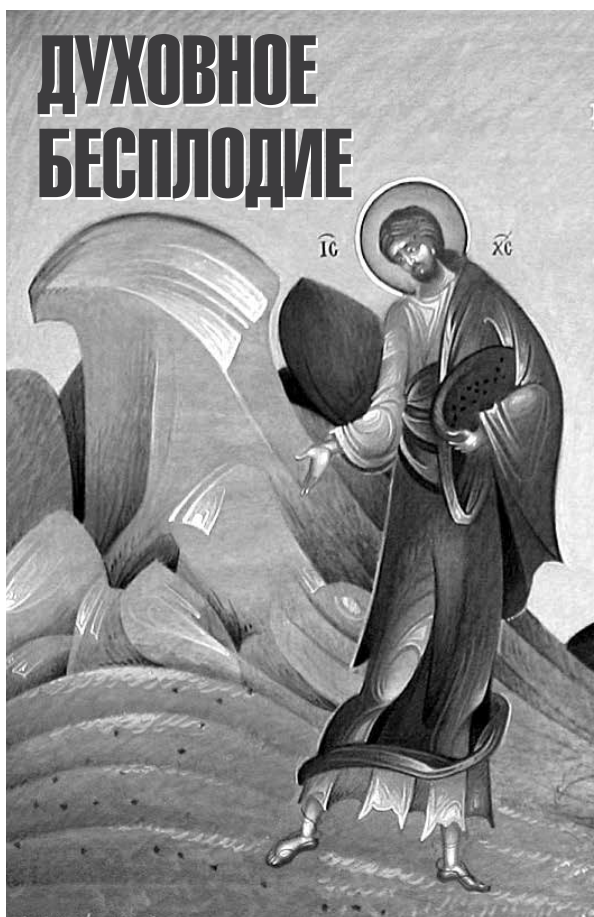
Первый случай: семя упало на дорогу — на утоптанную землю.

Это сердца тех людей, которые совсем не расположены к тому, чтобы принять слово Божие. А слышат они его в самых разных обстоятельствах. Все люди без исключения услышат слово Божие; даже если им не доведется услышать Евангелия, открыть для себя таинства Бога, Христа и Церкви, то Бог все равно найдет способ говорить в самих сердцах людей. Знайте, что ни один человек никогда не сможет сказать Богу (я имею в виду не то, что он не сможет сказать сейчас — сейчас каких только глупостей мы не говорим и не творим! — а в последний день, в тот день, когда мы предстанем пред Богом. И когда я говорю, что мы предстанем пред Богом и увидим Его лицом к лицу. Так вот, тогда никто не сможет сказать: «Господи, если бы хоть слово кто-нибудь сказал мне о Тебе! Тогда я бы услышал, я бы

знал о Тебе! Но мне не пришлось ничего такого слышать. И я совсем ничего о Тебе не знал!»

Человек может и не найти Нового Завета, и ничего не слышать об этом; среди тех, кто живет рядом с ним, может не быть ни одного христианина; он вообще может жить в джунглях — однако Бог в Своей бескрайней любви, как Отец всех людей, найдет способ, как говорить с каждым, как сказать ему то, что Он хочет ему сказать. Бог никого не обделит — никого. Все удостоятся Божией любви, и уже от самого человека будет зависеть, как вести себя и каким в итоге предстать пред Богом.

Первый случай — твердая земля. Сказанное Христом видим и мы сами, и братья наши. Сталкиваясь порой с такими людьми, которым говоришь, говоришь, говоришь — но не получаешь абсолютно никакой реакции. Никакой. Конечно, так будет не всегда; это сегодня так, а что с ними будет завтра — этого мы не знаем. Поэтому не нужно отчаиваться; и говорить слово Божие нужно всем людям. Мы никого не можем отвергать.

Вспоминаю один реальный случай из тех времен, когда я жил на Святой Горе. Тогда мы были молоды и полны энтузиазма. И вот пришел к нам однажды один очень хороший молодой человек, родственник которого был нашим монахом, и остался на Афоне. Он разочаровался в жизни, но это был очень красивый, хороший юноша — конечно, судя по-человечески. И он не ходил в храм. Я говорил ему:

— Хотя бы из любопытства не хочешь зайти в церковь?

Нет, он оставался на улице, даже не заглядывал внутрь. А я загорелся идеей привести его в Церковь, все старался поговорить с ним, рассказать ему то-то и то-то, чтобы он изменил свой образ жизни. И вот объяснял я ему, объяснял массу всяких вещей — все впустую. И я сказал себе: «Видно, нет у меня должной силы».

Однажды я повел его в Катунки к старцу Ефрему. Я говорил себе: отведу его туда, старец ведь — пророк, святой человек, и не может так быть, чтобы его не тронула эта встреча и сам вид великого святого старца.

К скиту, ютившемуся в скалах, мы добирались пешком; пейзаж вокруг впечатлял: там ведь пустыня Святой Горы. Я объяснял ему что-то в тысячный раз; и еще сказал — а с нами со всеми он здоровался по-мирски, и нас это не коробило, — так вот, я сказал ему:

— Мы придем сейчас к старцу-пустыннику, а он уже 50 лет живет в Катунки — и ты, когда мы придем, поцелуй ему руку.

— Я рук не целую!

— Слушай, мы же не говорим тебе, чтобы ты облизал его руку! Да и что ты потеряешь от этого?! Он старый человек, ему уже лет 70—80 (ему тогда столько было). Ничего с тобой не будет... Он тебе в дедушки годится. Ведь это же благо-словение — ты так и смотри на это! Здесь так принято; пойми: это мы так здороваемся друг с другом.

В общем, я как-то уговорил его, и он сказал, что поцелует старцу руку. Но я боялся, как бы отец Ефрем действительно не задел его за живое, ведь там не было любезностей и этикетов. Как бы он не сказал ему чего-нибудь такого... после чего он вообще отвернется от Церкви. А я вроде как стараюсь привести его в Церковь.

Пришли мы; нас было двое-трое монахов и этот молодой человек. Ну, по пути мы старались подготовить его к встрече со старцем, все твердили:

— Ты его слушай, он святой, он пророк.

Вот добрались, вошли в каливу отца Ефрема — а он был болен, много лет не вставал. Он обнял нас, поцеловал, монахи приложились к его руке. Подошел и этот молодой человек. Отец Ефрем схватил его и говорит:

— Ну, как ты, капитан?

«Да уж! — сказал я себе. — Теперь все пойдет насмарку».

Дело в том, что капитанами в тех местах называли сторонников одной партии, которая в какой-то период по меньшей мере теоретически отвергала связь с Богом, и этот человек был ее членом, а в университете даже был председателем студенческого клуба этой партии.

Ладно, вот сели мы, и старец начал говорить, и говорил он такое, что, действительно, можно было понять так: все это относится к нашему молодому человеку. В какой-то миг, когда мы сидели так, я спросил его:

— Ты слышишь, что говорит старец?

— Ну, он же это говорит всем!

Говорит всем? Когда отец Ефрем услышал это, он спросил:

— Всем? — а потом: — Я это говорю не всем, я говорю, когда нужно.

Так вот. Потом мы учтиво вышли и оставили его там. Отец Ефрем сказал ему:

— Ты останься! — и рассказал ему о многом касающемся его личной жизни.

И вот он вышел, и мы отправились домой. Он был весь мокрый от пота, потрясенный и с красными глазами — видно было, что он плакал там. Мы вернулись к себе, а он все молчит.

— Что тебе сказал отец Ефрем?

— Да так, всё о личном.

— А то, что он тебе говорил, так и было?

— Да, все так и было.

И вот я дальше принялся за свой труд его обращения, но он по-прежнему не менялся. Ровным счетом никак. И тогда другой старец, живший с нами, сказал мне:

— Оставь его! Этот молодой человек, к сожалению, мертв. Он глух ко всему!

И действительно, он не увидел ничего из очень многого, что видел: у него брат был монах, родные — церковные люди, он видел святых людей: старца Паисия, старца Ефрема — и ничего. Не меняется человек, земля тверда.

Так почему же так получается? Но мы не можем осуждать ни одного человека и говорить: «Он пропащий». Никто не пропащий. Может, сегодня он и пропал, а завтра Бог найдет его. Сегодня, может, у него это окаменение, а завтра Бог найдет способ изменить его. За свою жизнь нам довелось видеть сильные перемены в людях, которые менялись в 80, 85 лет и даже достигали высоких вершин добродетели.

Вспоминаю одного деда, который жестоко мучил свою жену. Когда его супруга умерла, ему был 81 год. Он причинял ей много страданий; что и говорить, тяжелый был человек, занозистый, когда был в силе. Такая страшная злоба у него была. А жена у него была святая: день и ночь в церкви — действительно святая женщина. И вот когда приблизились последние дни ее жизни, она его упросила, и он за месяц-другой до того, как ей умереть, сжалился и разрешил ей принять монашество. Она стала монахиней, прежде чем умереть.

Она умерла, и он после ее смерти в свои 82 года пришел на Святую Гору. Мы, когда его увидели, спросили:

— Ты пришел сюда, дед, в 82 года?

А он тоже пришел подвизаться, и никто бы не мог сказать ему: «Не надо!»

Он пришел в тот скит, где мы жили, и прожил там два года с половиной. А кончина его действительно была кончиной святого человека, и жил он преподобной жизнью. Когда дети, навещавшие его, пока он был жив, вспоминали и рассказывали нам, каким он был раньше, то мы думали: «Но возможно ли, чтобы этот человек был таким?» И, тем не менее, он был таким — мы слышали это от родственников, друзей, соседей и знакомых, что он был тираном, а вот после 80 лет изменился и подобрел. Так что у нас есть еще время, если, конечно, мы вообще доживем до 80!

Поэтому никогда нельзя говорить о другом человеке:

— Да ну его! Он уже ни на что не годится!

Никогда! Ты не знаешь, может, он в последний момент изменится. Да и что говорить о бедном дедушке, когда разбойник первым вошел в рай!

И первым, кто попал в ад, был апостол Христов. И то, как это все происходило, — для нас великий урок. Поэтому человеку никогда нельзя ни отчаиваться, ни ставить крест на другом. Поэтому мы не имеем права говорить:

— Знаешь, сын мой, такой, какой ты есть, ты никуда не годишься! Ты пропащий человек!

Ни о другом, ни о себе нельзя говорить так: «Ты каждый день совершаешь столько грехов, тебе нет спасения, нет никакой надежды на то, что ты спасешься!» Это отчаяние, это трагическая ошибка, это самый большой грех, который только может совершить человек.

И как говорится в молитвах ко Святому Причастию, мы не отчаиваемся в своем спасении.

И знаете, уже одно то, что человек надеется, призывает имя Господне, вздыхает и говорит: «Боже мой, спаси меня!» — уже одно это очень существенно. И он не погибнет. Он погибнет только если скажет: «Все кончено! Для меня все погибло! Я не смогу спастись!» Но, опять же, этого нельзя сказать до самого последнего мгновения своей жизни.

Поэтому Церковь не допускает того, чтобы у человека отнимали даже одну секунду жизни. Пусть кто-то и говорит: «Да это же аппараты поддерживают в нем жизнь, он же весь в трубках, уже наступила клиническая смерть, его мозг уже умер, так что полная смерть наступит через пять минут».

Да, но эти пять минут могут означать спасение этого человека. А ты кто такой, чтобы отнимать у него эти пять минут? Пять секунд. Одну секунду... Есть ли у тебя право на это? Человек может обратиться к Богу по-своему. Мы ведь не знаем, как человек чувствует себя и как все у него функционирует в это время: мозг может не действовать, а сердце, существо, душа?

Поэтому в случае клинической смерти, когда мозг умер, да, он уже не может функционировать, но человек живет, существует, пусть даже эту жизнь и поддерживает аппаратура. Мы не можем отнимать даже последнего мгновения жизни, потому что в это мгновение человек может войти в Царство Божие.

Но я знаю и людей, которые вошли в Церковь не через трудности, а через радостные события. Я был знаком с человеком, который был вне Церкви, и это его совсем не волновало, он ничего не боялся. Но он был очень растроган, когда у него родился первенец. Когда родился мальчик и он взял его на руки, он понял и прочувствовал, что это такое — произвести человека на свет. Сердце его сокрушилось, в этот миг Бог посетил его, и после этого он пришел исповедаться в слезах. И не говорил ему никто о Боге, и не было у него никакой связи с Богом, да и знать он ничего не знал. Это было сопряжение с Богом, с Церковью, с Таинствами, буквально возродившее его, — первое прикосновение к ребенку.

Один приходит к Богу таким путем, другой — другим,

какой путь у кого — мы этого не знаем. Так предадим же себя в руки Божии и будем иметь терпение — в испытаниях, радостях, скорбях, бывающих у нас. И если мы живем в ожидании Бога, если ждем Его, то Бог не обидит нас. Он найдет нас, и пусть даже сердце наше будет как камень, Он найдет способ разбить его, обработать, чтобы семя вошло внутрь и принесло обильный плод.

Второй случай: каменистая земля, где мало пригодной почвы.

Там семена прорастают ненадолго. Это люди, у которых есть доброе расположение, они слышат слово Божие и Евангелие, и на миг семя прорастает. Встречаются такие, которые, лишь слышат что-нибудь о Христе и Церкви, очень радуются, им это нравится, и они просят: «Расскажи еще что-нибудь!» Они любят читать о святых. Их утешает тот факт, что у них есть какая-то связь с Богом, — но эта связь неглубока. И Христос говорит: «Как только взойдет солнце, станет жарко и пойдут искушения, испытания и скорби, семя тут же засыхает». Стоит только случиться какому-нибудь искушению, скорби, болезни, испытанию, чему-нибудь неприятному, то, поскольку она неглубока, сразу же обрывается связь с Богом и забываются все слова, обещания, все, о чем мы читали и слушали, потому что, увы! эта связь с Богом была торговой сделкой. Хожу я в церковь, слушаю слово Божие, читаю Евангелие, жития святых, но делаю это я, пока у меня все в порядке. И пока Бог помогает мне.

Есть такие несчастные люди, которые говорят: «Да живет и здравствует Бог! Что я у Него ни просил, все Он дал мне!»

Для такого человека Бог — Существо, с Которым ему нужно иметь хорошие отношения, нужно служить Ему, под-

носить Ему то, чего Он желает:

«Чего Ты желаешь, Боже? Желаешь два праздника в году? Они Твои! Одну бутылку масла? Я дам Тебе! Хочешь пять лир милостыни в месяц? Я Тебе их дам. Хочешь, чтобы я пошел исповедаться? Я пойду. Ну смотри же теперь, я дал Тебе то, чего Ты хотел, а сейчас нужно, чтобы и Ты дал мне то, чего я захочу! Я хочу, чтобы Ты хранил меня живым и здоровым, чтобы я не заболел, чтобы никто не заболел, чтобы не случилось ничего плохого! А с того момента, как Ты перестанешь давать мне это, мы разойдемся! Это будет означать, что Ты нехороший человек, г-н Бог! Это будет означать, что Ты меня обманул и подвел!»

То есть «я сделал то, что Ты хотел, а Ты не ответил мне тем же». Это сделка: ты — мне, я — тебе.

Все эти чувства и мысли исходят из сердца человека, у которого коммерческое отношение к Богу. Этот человек — наемник, говорящий Богу: «Я сделаю для Тебя эту работу, окажу эту услугу, буду ходить в церковь, но Ты мне за это заплатишь. Я хочу, чтобы Ты сделал для меня то-то и то-то!» Ну, пока Бог исполняет его желания, все в порядке, а если

Он не делает этого, тогда человек не поддерживает больше никаких связей с Ним.

В основном такое происходит с людьми, отказывающимися от борьбы из-за искушений или просто с течением времени. Поначалу человек бывает охвачен энтузиазмом, но затем впадает в нечувствие и говорит:

— Читали мы это уже, знаем мы все это! Ну, выучили мы это всё, хватит! Сколько еще читать об этом? Мы же не собираемся стать проповедниками! Довольно нам этого!

Он впадает в нерадение, ему все равно. Искушения и скорби его одолевают, и сердце его не обретает глубины.

Как может сердце обрести глубину? Придать глубину сердцу может только Бог при содействии человека, посредством борьбы человека. Мы стараемся сделать многое, переносим трудности, скорби, и это ценно: в этот миг сердце приобретает глубину. Чтобы рухнули все преграды и человек мог возопить и призвать Бога.

Третий случай: наша почва хорошая, но Христос говорит, что на ней растут терния.

Семя Божие падает в землю, но вместе с ним вырастают и терния, которые Господь имеет так: заботы, наслаждения и богатство. «А упавшее в терние, это те, которые слушают слово, но, отходя, заботами, богатством и наслаждениями житейскими подавляются и не приносят плода». Они его подавляют и не дают вырасти.

Есть такие люди, земля которых действительно хорошая. Ты видишь это, понимаешь, чувствуешь, но, к сожалению, семя опять не дает плода. Из-за чего: из-за неведения? Нерадения? Лени? Дьяволу известны способы подавить это семя.

Как говорит Христос, первый из них — это наслаждения. Дьявол всегда найдет способ поработить нас наслаждениями, плотскими страстями, которые, к сожалению, после грехопадения именуются в нас.

Еще богатство. Богатство — это не только деньги, но и все то материальное, что пленяет нас. Может, у тебя и нет никаких денег, но в уме ты жаждешь их, тогда ты сребролюбив в евангельском смысле слова.

Богат также тот, у кого много знаний и кто уверен в них; богат и тот, у кого много сил, и он уверен в них; у кого есть какое-никакое положение в обществе, и он говорит тебе: «Я такой-то! У меня есть знакомства, все меня знают! Я наделен властью! Я уверен в своих силах, в своем положении, в своем имени и знаниях...»

Всё, что отрывает наше сердце от Бога, обращает и направляет к вещам, относится к тому, что Христос называет богатством. То есть это всё то, что нас поработило. Ты думаешь, что, благодаря своим знаниям, поскольку ты великий учитель, академик, суперинтеллектуал и ум твой остр как бритва, ты уже что-то значишь сам по себе? Когда сердце твое пленено всем

этим и ты не считаешь важной связь с Богом, это означает, что ты богат в том же самом смысле, что ты пленник своих страстей. Все, что отрывает нас от Бога и ведет к материальному, человеческому, обращается в грех, в смерть человека.

То же и когда мы превращаем самих себя в идола или становимся идолом для другого. Это иногда бывает в отношениях между мужем и женой, когда ты хочешь стать всем для другого и говоришь ему:

— Я хочу быть всем для тебя!

Или супруга говорит тебе:

— Ты всё для меня! Для меня не существует больше никого на этом свете!

Все эти болезни приводят на память несчастного Нерона, которому говорили, будто он бог, и он, жалкий, верил, что он бог. Так ты питаешься собственным эгоизмом и самонимием и не можешь обратить свое сердце к Богу. Ты ешь свое, словно ешь себя. «Тщеславный человек, — говорит авва Исаак, — питается самим собой и умирает, сам не понимая этого». Как в рассказе древних греков о кошке, которая, заболев, принялась с наслаждением лизать пилу, потому что ей нравился вкус крови — ее крови,

что текла из ран от зубьев пилы. И какое это было для нее наслаждение! Но язык ее был весь изранен, и она умерла от потери крови. То же самое и с тщеславным человеком, который считает себя великим, а если к тому же еще найдутся пять-шесть тех, кто станет твердить ему: «Ты незаменим!» — как он в это поверит! Вот ты и умираешь, ты становишься мертвым для Бога и не знаешь при этом, что умер.

Еще одно терние — это заботы. Что такое заботы? «Еда и работа», — говорил старец Паисий. Что давал фараон евреям, чтобы они забыли о Боге? Еду и работу. Когда ему сказали:

— Царь, евреи молятся Богу!

— Так дайте им в два раза больше работы и в два раза больше еды: пусть работают и едят, пусть им хватает забот, чтобы они занимали ими все свое время и не могли и помыслить о Боге.

Заботы — это нечто страшное для духовной жизни. Они великий яд, убивающий человека. Не только духовную жизнь, но и мирскую, да и человеческие отношения. Видите рушащиеся семьи? А почему? «Мне некогда!» Отец погружен в мысли о тысяче вещей. Мать также погружена в мысли о тысяче других вещей. Как этим людям общаться между собой? Ведь все время слышишь: «Сейчас не могу! У меня работа!» Идет ребенок поговорить с мамой:

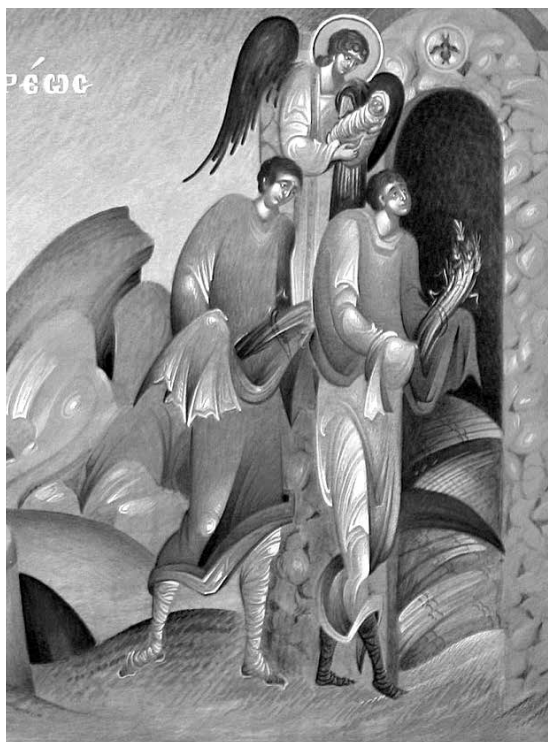
— Мама, я хочу тебе кое-что сказать!

— Отстань! У меня сейчас работа!

— А когда же у тебя не будет работы?

И человек задается вопросом: «Когда же у тебя не будет работы?»

Заботы, заботы, заботы — они убивают человека. А

в итоге ты остаешься ни с чем. Поэтому Бог оставлял евреев, когда они работали — а работали они по 24 часа. Но и мы тоже не сильно отличаемся от них...

Поэтому Он и сказал им:

— Нет! Шесть дней вы будете трудиться, а в седьмой не будете делать ничего! Вы будете посвящать его Богу!

Почему же Бог сделал так? Чтобы они были людьми, чтобы помнили Бога, чтобы отдыхали, общались между собой. Он дал им столько конкретных правил, что читаешь о них и порой диву даешься. Он сказал им:

— Вы можете ходить на расстояние не большее, чем от броска камня. Возьми камень, брось его, и докуда он долетит, дотуда ты можешь ходить в субботний день. А дальше не можешь.

Суббота означает строгий покой для евреев. Бог специально сделал так, чтобы поставить предел заботам. Бог даже принуждал их в каждый седьмой год не засеивать полей, но оставлять их незасеянными, чтобы евреи оторвались от забот. Равно как и отпускать скот. То же самое и с долгами: через каждые столько-то лет ты будешь прощать долги, которые должны тебе другие. То есть Бог принудил их освободиться от оков материального.

У нас, христиан, нет этой строгости, но это не значит, что заботы безопасны для нас. Христос поставил их в один ряд с богатством и плотскими наслаждениями, потому что, к сожалению, они ведут к тому же самому результату: ты забываешь Бога.

Иногда я вижу людей, которые, придя в Церковь, вначале ревностно подвизаются, но искустель, чтобы соблазнить их, подсовывает им какое-нибудь дело, которым они увлекаются, а потом еще, и еще, и вот уже они забыли обо всем, а в итоге — ревность их остывает. Увлечены работой. Это как играть в лотерею.

А сейчас расскажу вот что, только не смейтесь. Некий молодой человек хотел жениться, но все не встречал хорошей девушки. Он спрашивал:

— Как же мне быть?

— Как быть? Скажи, что станешь монахом, и через неделю каждый день будешь встречать по девушке, потому что все пойдет наперекор тебе.

Стоит начать делать что-нибудь более-менее духовное, как тут же и работа для тебя найдется, и деньги хлынут, только занимайся ими, и масса людей тебя поддержит, и потекут заботы, заботы. Искустель знает, как загрузить тебя работой, кучей обязанностей и всем на свете; ему нужно одно: не дать тебе делать то, что ты должен делать, — жить духовно.

Забота — очень тонкая опасность для человека, она наносит точный удар и валит с ног, хотя весьма невинна с виду. «Но это же наша работа, наши обязанности, что же мы можем поделать?!» Как я говорю о некоторых банкирах, которые никак не женятся: они женились на своем банке! Они целыми днями томятся в офисе! Даже забыли, что нужно жениться. Забыли?!

— Эй, ты уже вырос, проснись!

— Но у меня нет времени, отче!

Целый день занят, кругом сплошные обязанности; потом дают ему повышение, и это его еще больше закабалает — и пошло-поехало: работа и еда. Как говорил фараон, «задай ему работы и еды и увидишь, что он забудет о Боге!»

Поэтому заботы — это великое обольщение для духовного человека. Великое обольщение. Духовный человек должен знать меру. Определи себе меру. Скажи: хватит! Довольно на этот день! Не продолжай дальше, остановись, брось! Пришел домой — выключи телефоны, отложи другие заботы,

ты сейчас дома, посвети свое время семейству, самому себе и Богу.

Хорошо, вот ты вернулся домой, но говоришь по телефону. Пришел домой и уселся перед телевизором, перед компьютером и не оторвать тебя — так что от того, что ты дома? Разве другие чувствуют, что ты вернулся? Разве им достаточно будет только смотреть на тебя?

К сожалению, у всех у нас сейчас есть такие устройства, что мы никак не можем остаться наедине с самим собой. А у телефонов столько функций, но они только забирают все твоё время. Сколько рассказов я слышал, особенно от тех, кто хочет жениться или женился, о таких проблемах. Уезжаешь на машине куда-нибудь с супругой — и все время говоришь по телефону. Эй, да отключи ты его, сын мой! Скажи что-нибудь своей жене или ребенку! Придет домой, садится ужинать — и разговаривает по телефону. Ну и когда и как с таким общаться? И разве он живет как подобает человеку? Так что нам нужно ставить самим себе пределы!

Знаете, я долгие годы жил на Святой Горе, и у нас освещение было газовыми фонарями. Только дело к вечеру, как сразу же становится темно и опускается ночь. Конеч! А в миру ночь не наступает, потому что включаешь лампочку — всё! Уже день. А там в 5 часов вечера уже была ночь. Мы говорили: «Опустилась ночь».

Человек там следует биологическим часам, созданным Богом в Своей премудрости. А у нас порой ночь превращается в день, и, естественно, день превращается в ночь.

Бог сделал так, чтобы даже природа содействовала правильной жизни человека, а мы приходим и ломаем границы природы, чтобы больше успеть сделать, но при этом разрушаем сами себя.

Недавно я был на одной птицеферме в Лимассоле — совершал там водосвятный молебен. Мне жаль стало несчастных кур: они живут с постоянно включенными над ними лампами. Мне объяснили, что это для того, чтобы они неслись постоянно! Увы, мы даже кур замучили! А после этого еще удивляются, что животные сходят с ума! Так и коровы, и куры сойдут с ума от такой жизни!

Мы, люди, желающие жить духовно, должны научиться полагать себе пределы. Полагайте пределы в своей жизни: пришло время отдыхать — значит, надо отдыхать; говори себе: хватит, вот до сих пор только. Не разрушай свою жизнь заботами! Не надо изматывать себя работой, изводить себя, разрушать. Потом ты потеряешь все. Важно, чтобы человек оставался свободным.

И когда Христос говорит, что заботы — это терние, подавляющее слово Божие, то это означает, что заботы убивают и человеческие отношения тоже. Подумайте, какими мы будем тогда людьми, как будем молиться? Когда у меня нет времени на то, чтобы прийти в себя, как же я смогу остаться здоровым человеком? Поэтому нам надо быть внимательными и определять самим себе границы, чтобы оставаться на ногах. По меньшей мере, на первых порах, пока в нас это не укоренится. Потом уже, когда человек предаст себя воле Божией, жертвуя собой и служа своим братьям, он может получить через это большую благодать, и это будет питать его, но хотя бы вначале человек должен знать свои пределы и не переходить их, равно как и остерегаться того, чтобы заботы не погубили его.

Митрополит Лимассольский Афанасий
Православие.ру

ИННА САПЕГА

Дотянуться до Неба

Мой маленький друг, а ты когда-нибудь хотел дотянуться до неба? Чтобы, например, погладить пушистое облако или дотронуться рукой до блестящей звездочки. Сделать это совсем несложно. И вовсе не обязательно иметь крылья или пропеллер. Нужно только очень-пре-очень захотеть и... Впрочем, каждый тянется к небу по-своему. Вот послушай...

ВЕСТИНИЧЕК

Когда жираф был маленький, он очень хотел дотянуться до неба. Он вытягивал свою шею и долго смотрел ввысь.

Так жираф делал каждое утро, каждый день и каждый вечер. А ночью небо становилось темным, и наш жираф ложился спать.

Прошел год или два... А жираф всё тянулся и тянулся взверх. Наверное, он и не заметил бы, что от постоянного вытягивания его шея стала длинной, если бы маленькая тучка не запуталась у него между рожками.

«Какая у тебя длинная шея!» — воскликнула тучка, наконец-то освободившись.

«Как красиво на небе!» — улыбнулся ей жираф.

Он завертел головой и только тогда вспомнил, что где-то внизу, на земле, у него остались ножки и хвостик.

Где-то там, где остались ножки жирафа, жило много букашек — разного размера и формы. Обычно они днем занимаются своими делами, а ночью спят.

Но одной букашечке не спалось...

Земная звездочка

Ночью букашечка садилась на веточку кустика и смотрела на звездное небо. Она думала: «Звезды такие красивые! Они блестят как капельки росы, и играют как блики солнца! Вот бы и мне стать маленькой звездочкой!»

В одну ночь наша букашечка набралась смелости, подняла головку повыше и спросила:

«Дорогие звёзды, а не могли вы и меня взять к себе в компанию?»

Звезды возмутились и стали мигать одна другой: «Вот еще! Мы же живём на небе, а ты на земле!»

«Ну, это легко исправить!» — неожиданно послышался чей-то глубокий голос.

Это говорило само небо. Оно давно приметило букашечку, и букашечка ему нравилась.

«Хорошие мечты должны сбываться, мой друг, — сказала небо. — Вот тебе крылышки, а вот фонарик. Ночью включай его и будешь летать и светиться как звездочка!»

Так букашечка стала светлячком.

«А вы, — обратилось небо к самым вредным звездочкам. — больше не кичитесь своим положением!»

При этих словах небо встряхнуло синию шаль, и сотня звездочек попадала вниз. Кто-то из них угодил в море и стал морской звездой, а кто-то рассыпался по полям и лугам и превратился в милые цветы-крокусы.

Но мало кто видел, как рассердилось небо, ведь всё это произошло глубокой ночью. В то время и маленький слонёнок на другом краю света крепко спал в своей кроватке...

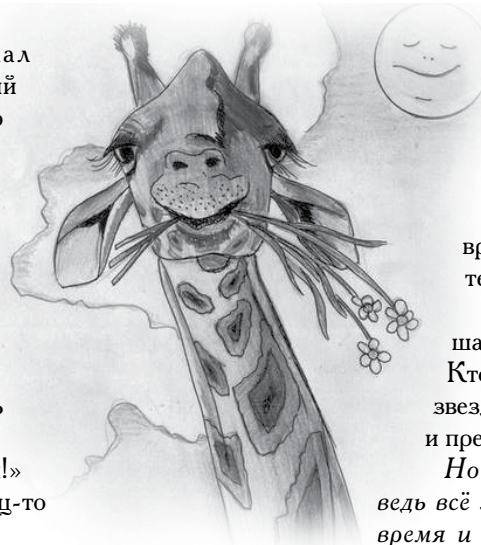
Крылья

Слоненку снилось, что он летает. И какие замечательные это были сны! Слоненок просыпался и щупал свои бока — не выросли ли у него за ночь крылья. Но крылья не выросли. Зато у слонёнка становились всё больше уши.

«Мама, — плакал слоненок, — зачем мне такие уши?»

«Мой хороший, — ласково отвечала слониха. — Уши — это твои крылья. Если ты научишься внимательно слушать старших, ты станешь самым мудрым животным. И мудрость тебя окрылит».

Ну вот, теперь ты знаешь, что каждый по-своему встречает своё небо: и маленький и большой. Надеюсь, ты тоже однажды найдешь свой способ дотронуться до неба. Желаю тебе в этом помощи Божией!

Мой первый – семнадцатый Крестный ход в Коробейниково

Начало №7, 2015 г. Продолжение №8, 2015г.

«**У**

Григорича» — наша первая остановка. До этого маленького трактирчика на Змеиногорском тракте нужно постараться дойти всем! Именно здесь, по промыслу Божьему, в этом «развеселом местечке», где в обычные дни гуляют-резвятся наши барнаульцы, наслаждаясь шашлыками, — именно здесь наше первое пристанище. И я не знаю, кто такой этот неведомый «Григорич», но именно за него, незнакомого нам лично хозяина этого заведения произносятся искренне

наши первые совместные молитвы!

Конечно, молимся в душе, или полусшепотом: «Господи, дай здоровья этому рабу Божию, уж не знаем как его зовут, по отчеству — Григоричу, за добрый прием!» К нашему приходу на длинных столах заботливо поставлены короба со снедью, долгожданной студеной водицей. Часть крестоходовцев падает от усталости, другая идет за снедью, часть людей (для меня — это духовные богатыри) — опускается на колени перед нашей главной иконой, которая «плышет» в начале всей колонны, и начинается наш первый молебен — первый в этом крестном ходу. Не знаю, не наблюдала, кто куда устремился, — одно лишь заметно невооруженным глазом — абсолютно все бережно-радостно крестятся: «Слава Тебе Господи, слава Тебе!» Неужели эти первые трудные 7 км позади! Я, грешница-первоходовка, подхожу к столам, беру парочку свежих, как будто только с грядочки, огурчиков, немного хлебушка и печенья — чуть-чуть. И ковыляю к местечку, где можно спрятаться от нашего беспощадного солнышка и насладиться трапезой. Ем только хлебушек. Какими значимыми и понятными сейчас становятся слова молитвы, произносимые перед вкушением пищи, «...хлеб наш насущный даждь нам днесь». Все — мне больше ничего не нужно! Я вкушаю эти кусочки обычного нашего алтайского хлеба как великую святыню, которой ни в коем случае нельзя объедаться, а

позволительно только вкусить немножко. Запиваю водицей — и она мне тоже кажется сейчас святой! Слушаю пение молитв нашего первого молебна, подойти — просто пока нет сил, и тихо радуюсь, что Господь довел до этого хоть места, дойду ли до конца пока не ведаю. Надеюсь, очень надеюсь!

И вот, пока я нахожусь в блаженно-усталом настроении, все очень-очень хорошо — вдруг я совершаю свою первую ошибку! Ведь как я себе обещала, настраивалась, что в крестном ходу нужно быть собранной, нельзя ошибаться — это все-таки произошло, увы. Около меня примостилась усталая пожилая женщина и просто застонала от боли. «Что с Вами, сестра?» — тут же спросила я. И получила стон-ответ: «Судороги! Как же больно ногам!» «Может Вам дать какое-нибудь лекарство?» — предложила я. «Не нужно ничего. Только как же мне быть дальше, неужели возвращаться домой?» — чуть не плакала она. И в этом плаче душевном слышалось, что физическая боль для нее второстепенна, что ужас повер-

нуть домой — вот что бьет по ее душе сильнее всего. «Может, врача или скорую?» — неуверенно предлагаю я, мысленно соображая, где тут врач или скорая в этом нашем бесчисленном «муравейнике». «Нет, ничего не надо!» — выжимает из себя бедная страдальца. И вот тут — я поднимаюсь, и ...просто отхожу от нее. Все последующие дни крестного хода, вспоминая этот момент, я буду ощущать себя просто Иудой-предателем, ведь я никак не помогла ей, я сделала, точнее, что-то важное не сделала своей сестре по крестному ходу. Не знаю, что было дальше, дошла или, скорее не дошла эта женщина, но даже когда наш крестный ход был уже далеко от «Григорича», меня продолжало преследовать раскаяние от своего поступка. «Ведь если бы, — размышляла я над своей первой (дай Бог, чтобы только этой!) ошибкой, — там на дороге была моя мама, смогла бы я так же просто подняться и уйти? Нет, конечно же, нет!» Уныние — один из самых тяжелых грехов, мигом проскользывает, как змея, в мою душу! И долго еще я иду, забыв о молитве, в душе оплакивая свое очередное падение. Но — Ангел ведь Господень своими крылами всегда защищает каждого христианина, пусть и павшего и недостойного! И я вдруг ощущаю какое-то тепло и спасительную мысль: «Не лучше ли мысленно покаяться, отогнать уныние и идти дальше, удвоив молитву?» Все! Иду вперед, стараясь

быть впредь более собранной. Ведь «дьявол, как рыкающий зверь ходит и ищет кого поглотить» — вспоминаю и это высказывание из Святой книги.

Пишу эти свои воспоминания о моем первом 17-м Крестном ходе и только сейчас немного понимаю и осознаю, как же значим и необходим этот ход для России, для нашей малой Родины — Алтая, для каждого крестоходца, и как важен этот поступок (или проступок — увьи!) для всех-всех бойцов этой духовной невидимой брани! Ведь если у одного бойца ошибка, и у другого, и у третьего. Что же будет в конце войны, да и каким будет сам конец, да и будет ли вообще? Поэтому так важно, падая, подниматься, каяться и идти дальше. Мы все обязаны победить, иначе... Иначе нельзя.

Вот и шагает наш Православный батальон, по численности даже несколько батальонов. Идем мы, и падаем и встаем, и двигаемся дальше, ведь впереди — должна быть только Победа. Но ее нужно завоевать. Именно завоевать — и потом, и даже кровью (глядя на наши ноги — можно и так сказать), и даже увечьями (увьи, и это было). Мы через все пройдем, мы все вытерпим. Иначе нельзя! Ведь мы — просто русские православные люди!

Р.Б. Елена

Продолжение следует

ВОСКРЕСНАЯ ШКОЛА

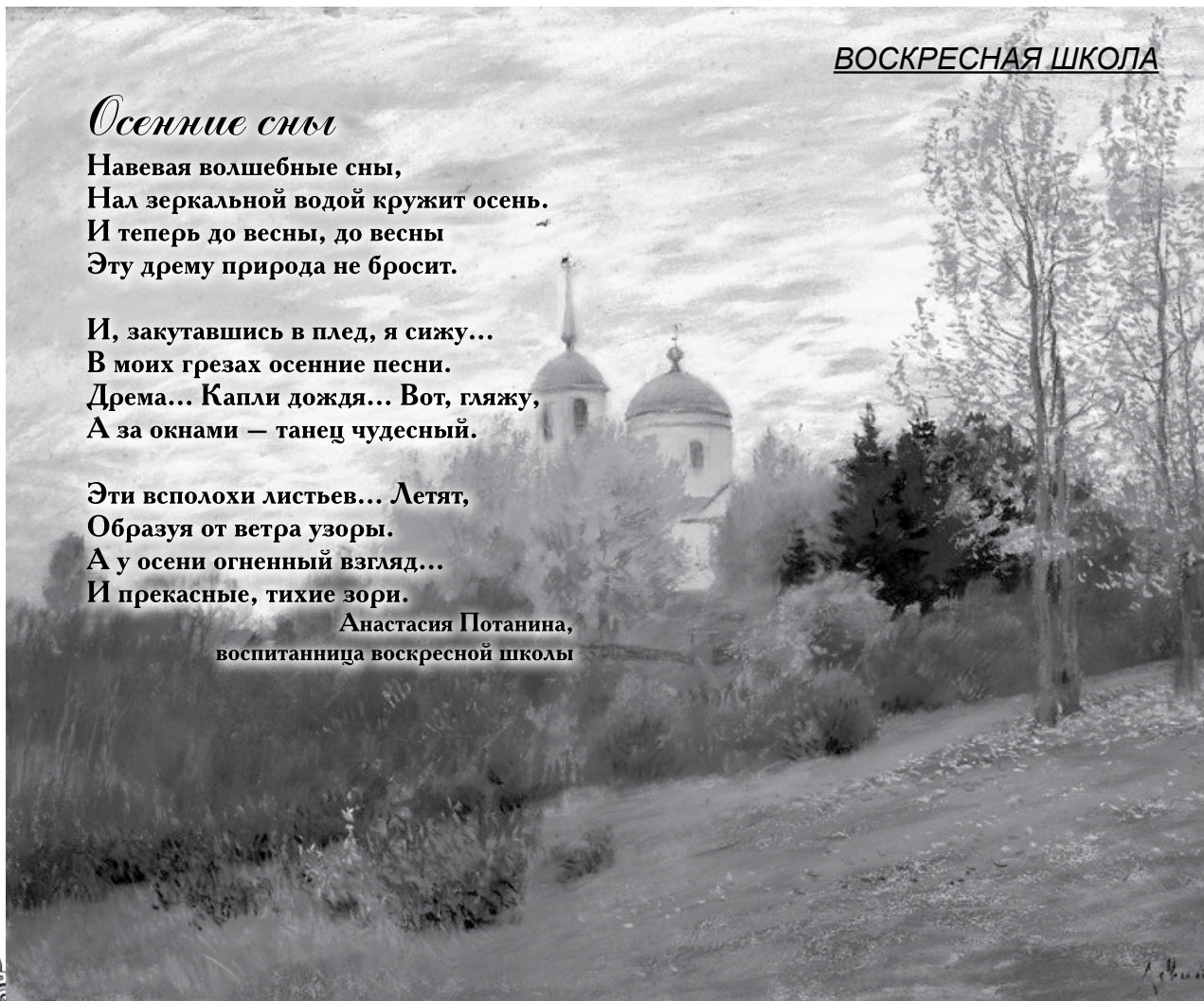
Осенние сны

**Навеяла волшебные сны,
Над зеркальной водой кружит осень.
И теперь до весны, до весны
Эту дрему природа не бросит.**

**И, закутавшись в плед, я сижу...
В моих грезах осенние песни.
Дрема... Капли дождя... Вот, гляжу,
А за окнами — танец чудесный.**

**Эти всполохи листьев... Летят,
Образуя от ветра узоры.
А у осени огненный взгляд...
И прекрасные, тихие зори.**

**Анастасия Потанина,
воспитанница воскресной школы**

СВЕЧА

ДЖОН ДОНН

По ком звонит колокол

... Церковь есть Церковь вселенская,
соборная Церковь —
И таковы же ее деяния.
Все, творимое ею — всеобщее достояние.
Крестит ли она младенца —
и я вовлечен в это крещение,
ибо через крещение сочетается тот со Христом,
ибо Он есть глава Церкви, к которой принадлежу и я,
и сливается с телом, в котором я — один из членов его.
Погребает ли она мужа —
это погребение задевает меня: все человечество —
создание одного автора, оно есть единый том,
и со смертью каждого из нас
не вырывают из книги соответствующую главу,
но переводят ее на другой язык,
и перевод тот лучше оригинала;
так каждой главе
суждено быть переведенной в свой черед;
у Бога в услужении множество переводчиков:
одни части переведены Старостью,
другие — Болезнью,
иные — Войной, а иные — Правосудием, —
но на каждом переводе лежит рука Господа;
и она сплетает вместе
разрозненные листы для той Библиотеки,
где каждая книга раскрыта навстречу другой:
и подобно тому, как колокол,
звонящий к началу службы,
зовет не только священника, но и паству,
этот колокол зовет всех нас...
Осознай мы, каким достоинством
наделяет нас звон колокола,
что призывает к нашей последней, вечерней молитве,
мы почли бы за счастье причаститься ему,
поднявшись раньше, взыскупя в нем своей доли
наравне с тем, по кому звонят.
Ибо колокол звонит о тех, кто внемлет
ему; и хотя он умолкнет, чтобы зазвучать еще раз,
с этого мгновения услышавший его,
чтобы далее ни случилось,
в Боге соединен с ушедшими.

Кто не поднимет взор к Солнцу, когда оно восходит?
Но сможет ли кто оторвать взгляд от кометы,
когда она вспыхивает в небесах?
Кто не прислушается к звону колокола,
о чем бы тот ни звонил?
Но кто сможет остаться глух к колокольному звону,
когда тот оплакивает уход из мира частицы нас самих?
Нет человека, который был бы как Остров,
сам по себе,
каждый человек есть часть Материка, часть Суши;
и если Волной снесет в море береговой Утес,
меньше станет Европа,
и также если смоем край Мыса и разрушит
Замок твой и Друга твоего;
смерть каждого Человека умаляет и меня,
ибо я един со всем Человечеством,
а потому не спрашивай никогда,
по ком звонит Колокол;
он звонит и по Тебе.

Из поэтического цикла

«Обращения к Господу в час нужды и бедствий»

Духовно-просветительская газета

Зарегистрирована Западно-Сибирским управлением Госкомпечати. Регистрационное свидетельство № Г-1453.

Учредитель: Александрo-Невский собор города Барнаула, настоятель протоиерей Александр Войтович.

Редактор: протоиерей Сергей Фисун. Верстка: Наталья Мутовкина.

Адрес редакции и издателя: 656054, г. Барнаул, ул. А.Петрова, 221. Тел. 40-28-81. Без ограничения по возрасту.
E-mail: vestnik@ab.ru Подписной индекс 73652. Тираж 1000 экз. Сдано в печать 09.11.15. Выход по графику 26.09.15
Отпечатано в типографии «ПринтЭкспресс», г. Барнаул, ул. Кирова, 47. Цена свободная.